

Эмилия Кондюрина (1922–2021)

Памяти Э. Ф. Кондюриной

26 июля 2021 года не стало дорогого для нас человека – доцента, д-ра гуманитарных наук Эмилии Федоровны Кондюриной.

В то утро в моей квартире раздался звонок из Рима, звонила Анна Аполлинарьевна (Аня) – дочь Эмилии Федоровны. Я обрадовалась и приготовилась к обычному для нас оживленному разговору. Но в ответ, странно серьезным голосом, она сказала: «Я хочу, чтобы об этом вы узнали от меня лично: сегодня умерла мама... Накануне вечером у нее начались непонятные боли, вызвали скорую помощь, анализы не показали ничего опасного. А в четыре утра мама скончалась...». Горестно и недоуменно: «Она здесь и ее нет?». Анне еще долго предстояло осознавать потерю. Она была заботливой дочерью, ее усилиями и вниманием в большой степени продлевалась жизнь самого родного ей человека. А уж ответные чувства матери были просто безграничны.

Эмилия Федоровна Кондюрина прожила почти столетие... На ее символическом надгробии даты: «22 ноября 1922 – 26 июля 2021». Почти весь XX век и часть XXI вместила в себя эта судьба. Она была прочно связана с выпавшей ей эпохой и только сама могла бы рассказать обо всем пережитом, понятом и сделанном. Когда-то поэт Е. Евтушенко в афористические почти строки уложил то, что переживаем и думаем мы об ушедших, любимых и значимых людях: «Их судьбы, как истории планет...», «Уходят люди. Их не вернуть. Их тайные миры не возродить. И каждый раз мне хочется опять от этой невозвратности кричать...».

То, о чем я пишу, это попытка свыкнуться с тем, что ушел человек, с которым ты проработал рядом почти полвека, тесно общался, спорил, расходился и возвращался, объединенный с ним любимым делом, общими воспоминаниями и опытом, с кем многократно сидел за одним праздничным столом и пр. Совсем недавно. Попытка задержать, вернуть... За несколько дней до кончины Эмилии Федоровны я разговаривала с ней по телефону. Она хотела меня поздравить с первым послеюбилейным годом.

«Догоняете меня?» – пошутила Эмилия Федоровна. «Догоняю», – подтвердила ее слова. Теперь они звучат совсем по-иному... Обычный тихий голос, ясное сознание, готовность шутить, желание знать новости. Поговорили о книге по культурологии, которую я тогда читала, она очень оживилась, попав в привычный мир духовных интересов, поблагодарила за «содержательный разговор». Разговор оказался последним...

И вот теперь, привычная, пусть состарившаяся, но такая живая и трогательная Эмилия Федоровна переходит для нас, еще живых, в новое измерение – пространство нашей п а м я т и. И хотя «У Бога все живы», как сказано в Писании, для земной жизни «Человек жив, пока о нем п о м н я т». Память противостоит исчезновению и забвению, и живет она в слове: «Молчат гробницы, мумии и кости, – Лишь слову жизнь дана: Из древней тьмы, на мировом погосте, звучат лишь имена» (И. Бунин). Конечно, когда сам стоишь у роковой черты, заверять ушедшего в долгой памяти неуместно. Помнить будут ее близкие, многочисленные ученики, ныне успешно работающие в университете, школьные учителя, работники редакций, даже свежее поколение пенсионеров, да мало ли еще кто и где.

Как осознать личность человека в его главных, достойных памяти чертах, не погрешить против правды, не оскорбить чувств близких? Внутренний человек всегда богаче и сложнее внешнего... Недаром так редко удаются даже писателям биографии знаменитых людей: «...их тайные миры не возродить...». Расскажу хотя бы частично о том, что отложилось в моем сознании и душе. Остальное доскажут другие, знавшие и помнящие Эмилию Федоровну.

Впервые я увидела ее в 1952 г., будучи еще студенткой Историко-филологического факультета ВУ. На кафедре и в коридорах факультета можно было встретить высокую, стройную молодую женщину, присланную к нам из МГУ преподавать литературу XX в. Как позже выяснилось, эта скромная женщина уже прошла войну как медицинская сестра фронтового госпиталя. Мы были рады ее появлению, так как очень недовольны были ее предшественницей, замучившей нас риторикой и догматикой. Ныне она уезжала, а нам давали нового преподавателя. Правда, это было уже последнее полугодие, предназначенное для написания дипломных работ, и Эмилия Федоровна стала моим научным руководителем. Работа была благополучно защищена. Фрагмент из нее был даже опубликован в газете „Literatūra ir menas“ к обоюдному удовольствию и автора, и научного руководителя.

По окончании учебы я была оставлена на кафедре. Так мы стали с Эмилией Федоровной коллегами на многие-многие годы. Старший и младший. Но проблема поколений тогда еще не вставала. Она жила лишь в романах Тургенева. Я и мои сверстники были детьми той же страшной войны. В первое время каждый из нас был занят своими делами. Эмилия Федоровна строила первые лекционные курсы, писала автореферат диссертации, и в 1955 г. в МГУ защитила ее. Мне было поручено преподавание русского языка юристам и историкам, поскольку моя аспирантура была где-то впереди. Затем я стала преподавать украинскую и белорусскую литературу литуанистам и журналистам. Вот это было испытание! Аудитория серьезная,

заинтересованная и талантливая. А программ на кафедре не было, учебников тоже, даже список писателей и поэтов я должна была составить сама. Хорошо, хоть тексты Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко и других я добывала в недрах богатейшей библиотеки университета. Работы было через край, пришлось обращаться за помощью в другие вузы. Позже я оценила всю пользу полученного опыта. Общий курс национальных литератур вел доц. П. И. Ужкальнис, создавший «Литературный Атлас народов СССР». Помимо него из представителей литовской интеллигенции на кафедре работала ст. преп. О. Йоделене, она вела курсы русской литературы XVIII и первой половины XIX вв. По окончании карьеры в ВУ Йоделене стала известным переводчиком с польского на литовский и русский языки. Еще совсем недавно, в первые послевоенные годы, совмещенной кафедрой русского языка и литературы руководили проф. К. Корсакас, затем проф. Балис Сруога, литовский писатель, переводчик и большой знаток русской литературы, автор знаменитой статьи к 100-летию А. С. Пушкина «Пушкин – русский и европеец» (1937).

К моменту приезда Эмилии Федоровны кафедрой заведовал проф. В. И. Кулешов, будущий известный ученый и пожизненный заведующий кафедрой истории русской литературы МГУ. Аспирантом крупнейшего пушкиниста – академика Д. Благого он был призван на фронт, по окончании войны вернулся к учебе. В 1949 г. был на время прислан в Вильнюсский университет, ошеломив нас талантом лектора и яркостью личности. Я совмещала учебу с работой лаборанта кафедры, составляла, а то и теряла кафедральные бумаги, выдавала книги в факультетской библиотеке. Книги были бесценные, русский фонд еще довоенной Литвы. Между стеллажами, что-то внимательно вычитывая, часто стоял седенький преподаватель – член-корреспондент АН, текстолог и исследователь древнерусской литературы Д. И. Абрамович, чей большой портрет и сейчас висит на стене кафедры русской филологии. За пределами кафедры шла сложная, драматичная послевоенная жизнь, смысл которой постигался и постигается годами.

Постепенно на кафедре появлялись новые лица: Н. К. Митропольская, выпускница Петербургского (тогда Ленинградского) университета, специалист по русскому фольклору, Е. П. Гашкене (Червинскене), завершившая аспирантуру в МГУ, где она изучала творчество Л. Н. Толстого под руководством проф. Н. К. Гудзия. Приехала доц. Л. И. Матюшенко, выпускница МГУ, специалист по XIX в., талантливая и обаятельная. Появился и П. И. Ивинский, второй после меня выпускник Вильнюсского университета, принятый на кафедру. Он приехал с опытом аспирантуры в Днепрпетровском университете, успев поработать директором школы, и с самого начала своей преподавательской деятельности выглядел солидно, был глубокомыслен, образован и мудр.

Хорошо помню появление доц. Римаса Сидеравичюса, который по окончании МГУ стал преданным пушкинистом, сумевшим при изучении эпохи поэта и его окружения найти в библиотеке Университета бездну материала, связующего имя А. С. Пушкина с литовскими и польскими культурными реалиями XIX в. Этого материала хватило на многие годы его научной работы. Все названные мной пре-

подаватели поочередно, в разные годы, будут умело и авторитетно руководить кафедрой русской литературы.

Наступил период приема в кафедральный состав и нового поколения учеников. На кафедре была оставлена талантливая ученица Е. П. Червинскене – Бируте Масенене, которая тоже посвятила себя изучению творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, что не мешало ей быть хорошим литовским поэтом, удостоенным многих наград. Были приняты на кафедру еще два талантливых студента. Это будущий хаб. д-р наук Валерий Сердюченко (при кафедре он написал кандидатскую диссертацию «Достоевский и Кант»), позже переехавший в Львовский госуниверситет, ставший известным литературным критиком, печатавшим статьи в солидных журналах, и доц. С. Б. Длуговская, замечательный интерпретатор текстов М. Е. Салтыкова-Щедрина, лектор, глубоко уважаемая студентами.

В 60–70-е годы появились новые выпускники кафедры, не посрамившие ее репутации: блоковед доц. Н. Н. Мельникова, знаток русской поэзии, руководитель поэтического объединения «Русло», исследователь творчества Л. Леонова доц. А. Г. Лысов, профессор Е. А. Костин, возглавивший кафедру в более поздние годы, специалист по творчеству М. Шолохова, автор книг об отношениях между культурами России и Европы, бывшие дипломантки Эмилии Федоровны: доц. Бируте Мержвинскайте, интересовавшаяся проблемами теории литературы, прочно связанная с литуанистикой факультета, крупнейший в Литве специалист по творчеству Анны Ахматовой проф. Г. П. Михайлова (Василенко) и преп. Л. П. Рябенко-Цветковская, которая недолго проработала на кафедре, но пятнадцать лет трудилась в филиале университета в Каунасе. С кафедрой связано начало научной деятельности канд. филологических наук преп. В. В. Брио, позднее научного сотрудника Еврейского университета в Иерусалиме, и преп. Н. И. Дайлиденене, продолжившей свою филологическую карьеру в Швеции. И уже в 80-е годы кафедральный состав украсили сегодняшний заведующий кафедрой русской филологии, специалист по русской культуре межвоенной Литвы доц. П. М. Лавринец, единственный в современной Литве исследователь творчества Ф. М. Достоевского доц. Дагне Бержайте, преподающая литературу Серебряного века и риторiku лектор Регина Чичинскайте, доц. Инга Видугирите-Пакерене, автор монографий о К. Бальмонте и Н. В. Гоголе. Все они много сделали и продолжают делать для студентов факультета и для науки. Много новых лиц, нам с Эмилией Федоровной уже неведомых.

Кажется, я далеко ушла от воспоминаний об Эмилией Федоровне. Но это только кажется. Среди этих людей прошла вся ее педагогическая и научная работа. Их общими усилиями создавались фундаментальные основы преподавания русской литературы и та особая духовная и научная атмосфера, которая делала работу радостной и желанной. Я уверена, что, если бы зашел разговор на эту тему, Эмилия Федоровна вместе со мной вспоминала бы то же самое. Со многими членами кафедры, старшими и младшими, ее связывали очень теплые отношения. Нет никого, кто не побывал бы в ее доме, не пользовался ее добротой и гостеприимством, кто не пробовал испеченных ею пирогов, не получал ее участливого внимания или прямой помощи.

Отдельно хотелось поговорить о том, как рождалась высокая репутация Эмилии Федоровны: знающая, требовательная, искренняя, принципиальная, честная и интеллигентная. Можно продолжать. Но поговорим и о другом. Мне кажется, что для нее это было бы важно. Становление преподавателя – сложный процесс. Каждый из нас проходил это. Написание первой лекции: хватит ли материала на полтора часа, успеешь ли завершить тему, как оторваться от конспекта, не заскучает ли аудитория, шумная, молодая, насмешливая, замечающая каждый твой промах... А построение целого курса лекций, поиск концепции, лежащей в основе, верность программе и вольности в отклонении от нее, суд старших коллег, которые непременно посетят твои занятия. И сама подготовка, когда еще только набираешь знания и читаешь, читаешь, заново переживаешь каждое произведение, каждого поэта, не можешь уснуть, сочиняя свои первые импровизации и самостоятельные суждения, радуясь каждой находке. «Сладкая каторга» началась... А прием экзаменов: как проявить требовательность, не превратив ее в излишнюю придирчивость, и не допустить чрезмерной снисходительности, над которой потешаются сами студенты? И как сказать не подготовленному, у которого от тебя зависит стипендия: «придите в другой раз»? Тут понадобятся все твои человеческие качества. Лишь с годами приходит мера объективности и справедливости. И у каждого она своя.

В преподавательской судьбе Эмилии Федоровны был один особый момент. Ей достался предмет «Введение в литературоведение» – первое представление о понятийном аппарате и инструментарию литературной науки. Осваивать его предстояло первокурсникам. Программа вообще предлагала младшекурсникам фольклор, древнюю литературу, на втором курсе – литературу XVIII в. – предметы, объективно требующие определенной зрелости гуманитарного знания. Недавние школьники, конечно, были не готовы. Сказки и пословицы – объект науки? Как можно ценить тексты, полные непонятными славянизмами, или восхищаться одами и ходульными героями драмы и трагедии эпохи классицизма? А уж «Введение...» – чистая схоластика, все эти роды, виды, жанры, методы и стили. Попробуй, отдели фабулу от сюжета, метод от стиля, амфибрахий от хорей и пересказ содержания от анализа! То, что это был вход в храм науки, введение в него, студенты первого курса осознать не могли. Избрав специальность, большинство мечтало об изучении золотого и серебряного века, об интересных лекциях и спорах по поводу судеб знаменитых поэтов, что были у всех на слуху, о написании собственных стихов, наконец. А у входа в храм, у его первой ступеньки стоял строгий привратник – Эмилия Федоровна. Тут-то она и проявила свой характер, без колебаний, особенно в первые годы, отправляя на пересдачу и веселых лентяев, и бывших школьных отличников, не усвоивших материал. Некоторые теряли стипендию и обижались, лодыри досадовали – не удалось проскочить, многие еще не имели навыков абстрактного мышления. Казалось, к ним несправедливы, слишком придирчивы. Нарастало недовольство. Гул его был довольно громко слышен. На кафедре тоже.

Но Эмилия Федоровна устояла. Она глубоко уважала труд, сама любовью к книге и упорной работой проложила себе путь к высшему образованию в лучшем вузе

страны, фронт приучил к ответственности и к неизмеримо более тяжкому труду. Она неоднократно рассказывала, как много и истово работали студенты МГУ, как недавние фронтовики допоздна просиживали в библиотеках. Многие сокурсники обладали лучшей эрудицией, посещали театры, музеи и зал консерватории. Она не щадила себя, с упорством, интересом и любовью поглощала культуру, жадно читала наряду с русской литературой зарубежную, готовя себя к восприятию того, о чем говорили крупные специалисты в аудиториях. Ни оправдать, ни смириться с безответственностью других, с нежеланием «грызть гранит науки», она никогда не могла. И в этом было оправдание ее требовательности, ее стойкости. Подводя итоги экзамена на четвертом курсе, где она читала лекции о М. Горьком, М. Шолохове, А. Толстом, С. Есенине, Л. Леонове и др., она поражалась студенческим перлам в некоторых ответах. На одном из кафедральных капустников я зачитала свой экспромт, где Эмилия Федоровна якобы негодует по поводу знаний своих питомцев:

*Ваш «Русский лес» – непроходим,
Ваш «Тихий Дон» – невозмутим!
Несчастный Гришика Мелехов
Пасет быков за Тереком?
Вам Михайловский – не знаком,
И Луначарский – не нарком,
Вам Палиевский не в обхват,
Вам «Пес Качалова» – не брат...
Вам «Хлеб» – ни в зуб, вам «Вор» – ногой,
Вам что Б. Бялый, что Благой!
Вы – «Барсуки» на «Соти»,
Народный хлеб жуете.
Но мы, конечно, разглядим
Ваш лик полумещанский:
Всем будет папой – Клим Самгин, а мамой – Грацианский!*

Смеялись все, ибо было очень похоже.

Она добилась своего. Репутация строгого педагога осталась. Но пришло подлинное уважение, потому что студенты старших курсов убеждались в точности и содержательности ее лекций, к которым можно было составить надежные конспекты. А в процессе написания своих курсовых и дипломных работ под руководством Эмилии Федоровны четко осознали, что были бы просто безъязыкими, если бы не овладели инструментарием профессионального анализа. У Эмилии Федоровны никогда не было недостатка в студенческих работах тех, кто желал их писать под ее руководством. Здесь открывалась ее человечность, отзывчивость, готовность без конца объяснять, давать книги из своей библиотеки или усадить студента у себя дома, угостить и побеседовать о его жизни. Те, кто попадал в руки Эмилии Федоровны, становились ее друзьями на годы, благодарными за трудную, но нужную школу, за ее внимание и порой житейскую помощь.

Сдержанная и аккуратная от природы, Эмилия Федоровна обладала редким для филолога–литератора чувством меры. Уже в молодые годы она выработала в себе

привычки и стиль интеллигентного человека. Не только внутренне, что естественно для человека, приобщенного к искусству, но и внешне. Ей был свойственен свой неброский и элегантный стиль, что, помимо ее человеческих качеств, особенно импонировало литовской преподавательской среде. На факультете ее уважали.

Научная работа. Разве можно в этом скорбном очерке рассказать о ней? Здесь вся духовная, интеллектуальная, вся творческая жизнь преподавателя вуза. Особенно когда речь идет о таком предмете, как литература. Литература 20–80-х гг. XX века, которую изучала и преподавала Эмилия Федоровна, оказалась самой интенсивной, самой глубокой и точной формой отражения жизни и выражения общественного сознания большого исторического периода. При относительной зависимости от установок официальной идеологии она приобретала в творчестве больших писателей свободу художественного познания, создавала тот емкий образный язык, который давал ощущение бытийной глубины и исторической правды жизни, ее подлинной сложности.

Все эпохи драматичны и трагедийны. Образованный человек это знает. С 60-х гг., периода «оттепели», наряду с бурным рождением новых имен, шел пересмотр всех этапов развития, возвращалась литература эмиграции, печатались ранее неизвестные произведения, изданы были тома философско-религиозных книг мыслителей начала века, общество заново обрело наследство и активно переживало современность. Событий, переломов и переоценок было достаточно. И когда нам в конце 80-х гг. сказали, что мы жили «в эпоху застоя», мы были очень удивлены. В экономике – да, в государственном управлении – да, в номенклатурной идеологии – несомненно. Но только не в нашем цеху. Здесь сталкивались идеи, идеологии и кипели страсти. Здесь отчасти и вываривалась новая реальность. До каких пределов – никому знать было не дано...

Как исследователь Эмилия Федоровна не суетилась. Она изучала роман 20–30-х гг. и творчество Леонида Леонова, выдающегося писателя XX века, автора целой череды романов от 20-х до 90-х гг. Вслед за любимым писателем она хотела знать и понимать эпоху, которую прожила, и художественную литературу, которая об этом рассказала. Однажды, не без некоторого ехидства, она произнесла: «Пока вы создаете концепции, мы ищем истину». И хотя, на мой взгляд, одно другому не противоречит, в этом что-то было, вероятно, желание защитить свое поле исследований. Многогранность предмета порождала разнообразие подходов. В таком сложном организме, как вузовская кафедра, соседствуют люди разных склонностей и пристрастий. Поэтому так интересны, остры и даже конфликтны были наши заседания, наше общение. Многие из нас любили философско–онтологический контекст литературы. Эмилия Федоровна была человеком точного знания, конкретного исследования того, что доказуемо. Она была очень наблюдательна, приметлива в обращении с текстом, любила его осязаемые формы. Ей принадлежит виртуозный анализ композиции романа Леонова «Скутаревский». Она очень ценила нравственную проблематику и связанный с ней психологический анализ, изучала жанровые особенности. Такова, например, ее статья о «Судьбе человека» Михаила Шолохова. Правда, сложность и несомненная философичность Леонида Леонова побудили и ее заняться иным

аспектом. Я помню, с каким воодушевлением и изумлением она обнаруживала во всех текстах писателя метафорическое присутствие культурологического смысла и соотнесения персонажей и ситуаций с архетипами культуры разных времен. Она сама открывала это для себя и в 1982 г. написала учебное пособие «Проза Л. Леонова. Проблемы культуры», а в 1987-м статью «О культурологическом характере творчества Л. Леонова». Ее работы в разных научных изданиях и сборниках не затерялись. До сих пор на них ссылаются, они включены в библиографии вновь защищаемых диссертаций. Один экземпляр ее статьи хранится даже в Мичиганском университете.

Более того, Эмилия Федоровна во многом определила научный путь своего (и нашего общего!) воспитанника и коллеги – доц. А. Г. Лысова. Она увлекла его творчеством Леонова так, что в итоге Александр Григорьевич стал талантливым и признанным леоноведом. Работы Эмилии Федоровны и Александра Григорьевича принесли кафедре тесные и плодотворные связи со многими крупными научными центрами и учеными, особенно ценными были контакты с Пушкинским Домом.

Шли годы. Известное заявление американского философа Фукуямы о «конце истории» оказалось преждевременным. История круто развернулась и помчалась дальше. Период крутого поворота совпал у многих из нас и у Эмилии Федоровны с уходом на пенсию. Литератор на пенсию уйти не может. Просто начинается новый этап, когда можно наконец вникать в события, публиковать то, что не успелось, читать свободно все, что душе угодно – есть время и право. Интеллектуальная и духовная работа не останавливается до конца жизни. Как правило, болезнь Альцгеймера людям этого образа жизни и образования не грозит. Но приходят другие болезни, постепенно редет привычный круг друзей. Эмилия Федоровна потеряла многих дорогих ей людей, включая и членов кафедры. Один за другим уходил из жизни основной состав прежней кафедры. От тяжелых болезней скончались и более молодые – Б. Масенене, А. Г. Лысов, Н. Н. Мельникова. В эти годы мы с Эмилией Федоровной довольно часто общались. Ее девяностолетний юбилей отмечали в ее доме. Был замечательный черничный пирог, который Эмилия Федоровна сама испекла. Присутствовал А. Болотин (ныне покойный), профессор кафедры теоретической физики ВУ. Они дружили как ветераны. Было тепло и уютно.

Новое время коснулось судьбы Эмилии Федоровны с весьма конкретной стороны. Единственная дочь Анна, которая по окончании аспирантуры стала полноправным членом нашей кафедры, вышла замуж за итальянца, и он увез ее в Рим. Так Эмилия Федоровна познала глобализм конца XX и начала XXI вв. Начались ее поездки к дочери в Вечный Город. Она впервые видела воочию его художественные сокровища, хотя ходить по музеям и площадям, заполненным туристами всего мира, было уже трудновато. Однако в первые приезды Эмилия Федоровна активно ходила по музеям и выставкам, не зная языка, порой в одиночку, посещала итальянский театр и концертные залы, слушала симфоническую музыку в исполнении музыкантов с мировым именем.

Возвращаясь в Вильнюс, она привозила кипы фотографий с видами Италии, приглашала нас к себе, рассказывала обо всех чудесах и о новых родственниках –

«в точности, как в знаменитых итальянских фильмах!». Эмилия Федоровна очень радовалась успехам Анны Аполлинарьевны, принявшей участие в публикации материалов Римского архива Вячеслава Иванова, поэта и теоретика русского символизма. В Исследовательском центре Вяч. Иванова в Риме сотрудничали выдающиеся российские и европейские ученые. Состоялось знакомство Анны с сыном поэта – Дмитрием Вячеславовичем, в квартире которого она не раз побывала. Здесь, в одной из комнат, находились вещи и обширный архив Вяч. Иванова, перевезенные к сыну после смерти поэта в 1949 г.

Незадолго до этого был обнаружен целый чемодан писем. Младшая Кондюрина проделала работу по подготовке части писем – переписка Вяч. Иванова и Ольги Шор, письма из семейной переписки – к печати, выступив как публикатор, криптограф, автор предисловия и составитель указателя в солидном томе «Русско-итальянского архива III» (2001). С сыном знаменитого поэта-символиста познакомилась и Эмилия Федоровна.

По рассказам Анны, они с Эмилией Федоровной гуляли по местам жизни Вяч. Иванова, Н. В. Гоголя, следовали маршрутами П. П. Муратова (автора прекрасного сборника эссе «Образы Италии»). Посетили Тестацчо – одно из старейших и живописнейших кладбищ мира, известное как римский некатолический некрополь поэтов, художников и дипломатов, расположенный у античной стены III в., рядом с величественной пирамидой консула Гая Цестия (мавзолея XII века до н.э.). На Тестацчо покоится сам Вячеслав Иванов, перезахороненный с кладбища Верано в 1988 г. в семейную могилу Зиновьевых. Могила внесена в число исторических памятников европейского значения. Неподалеку погребен Карл Брюллов, написавший именно в Италии свою знаменитую картину «Гибель Помпеи». В разных местах кладбища на живописных надгробиях можно было видеть фамилии русских аристократов, военных, дипломатов. Среди кипарисов и роз обрели покой английские поэты Джон Китс и Перси Биш Шелли, сын великого Гете – Август фон Гете, итальянский писатель и мыслитель Антонио Грамши. Эти прогулки оставляли глубокое впечатление.

Эмилия Федоровна бывала на занятиях Анны, студенты были рады познакомиться с ней, поговорить по-русски, полюбили ее. Итальянская жизнь Эмилии Федоровны была насыщенной. «Мама много читала до конца своих дней. Последняя книжка, выпавшая из ее рук в момент рокового приступа, был роман В. Набокова “Пнин”» – рассказывала Анна Аполлинарьевна.

Наши контакты с семьей Эмилии Федоровны укрепились еще по одной, довольно забавной, причине: жена моего сына оказалась одноклассницей Анны, а ее мама – нашей общей (в прошлом) студенткой. Поводов для встреч, воспоминаний и разговоров было предостаточно. Из Лондона приезжала моя внучка Наташа, окончившая там университет. Она показывала нам свой первый, дипломный, фильм, мы отлично провели вечер. В другой раз мы отмечали мой очередной день рождения в Тракай, в уютном ресторанчике на берегу озера. В нашем обществе бывал приехавший Андрей Матюшенко, доцент МГУ, преподаватель английского языка. Мы знали его с детства, прошедшего в Вильнюсе. Эмилия Федоровна его очень любила,

была Л. П. Рябенко, знавшая Эмилию Федоровну с юности, присоединился и Валерий Мельников, тяжело переживавший потерю жены. Мы оживленно беседовали о разном, о Пушкине, о литературе, обсуждали прочитанное, удивляя официантов... Эмилия Федоровна ходила с большим трудом, поддерживаемая Аней за локоток, но интереса ни к чему не теряла.

За своим здоровьем Эмилия Федоровна, по-моему, аккуратно следила, выполняла все назначения врачей. Однако Анна решила, что оставлять маму одну больше нельзя. И перевезла ее в Рим. Мы периодически общались по телефону. Звонила Аня и, поговорив о своем, звала маму. Эмилия Федоровна была довольна жизнью. Зять был добр и внимателен. Итальянцы ее уважали за преклонный возраст и мужество. Она с восторгом смотрела фильмы крупных итальянских режиссеров, с которыми не была знакома ранее, брала уроки итальянского языка. От ковида спасались изоляцией, тем более была и дача в уютнейшем уголке страны. Болезни, конечно, не отступали. Чаще всего это были переломы. Врачи успешно делали операции, и Эмилия Федоровна вновь ходила, то с палочкой, то с ходунками. Поражало то, что у нее совершенно не было старческого желания рассказывать о перенесенной боли. Она всегда оставалась духовно настроенной на «содержательный» разговор. Скучала по Вильнюсу, собиралась приехать. Здесь была квартира, любимая библиотека, собеседники. Она всегда спрашивала о жизни кафедры, хотя я мало что могла ей рассказать. Так было и в последний раз.

Вспоминать можно долго... Но на вопрос Эмилии Федоровны о кафедре я бы сейчас сказала: «Там все хорошо. Нам не о чем беспокоиться. Студентов, конечно, маловато. И программы урезаны. Но все члены кафедры интенсивно заняты научной работой, много интересных публикаций и контактов с европейскими, литовскими и российскими учеными. Все владеют неслыханными методологиями, создают умопомрачительные тексты. Они – в С в о е м Времени. Пожелаем им дожить до ваших лет и сохранить главное – гуманистический код русской литературы. А вас они любят и помнят».

Замечательным долголетием Эмилия Федоровна честно исполнила и свой человеческий долг. Больше земному не положено, ну, может еще чуть-чуть... Она истратила жизнь на людей и всегда была среди людей. Работа в Вильнюсском университете для нее, как и для всех нас, была высоким п о р и щ е м, давшим чувство осмысленной и наполненной жизни. «Мир праху твоему!», дорогая Эмилия Федоровна. А мы «догоним»...

*Д-р гуманитарных наук, проф.
Элеонора Сафронова*